

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 18/1

no. 18/1

16+

2020

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Главный редактор – академик РАО, д. биол. наук, профессор Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. наук, профессор Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Асмолов А. Г. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Аллахвердов В. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Бондырева С. К. (МПСУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Знаков В. В. (МГУ, Москва)

член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А. В. (ЯрГУ, Ярославль)

академик РАО, д. пед. наук, профессор Малюфеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва)

д. пс. наук, профессор Марьин М. И. (МГППУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Рубцов В. В. (МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Реан А. А. (Высшая школа экономики, Москва)

д. пс. наук, профессор Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург)

д. пс. наук, профессор Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Черноризов А. М. (МГУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Шадриков В. Д. (ЯрГУ, Ярославль)

Редакционная коллегия

член-корр. РАО, д. пс. наук, Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. биол. наук, Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Белоусова А. К. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Джанерьян С. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

канд. пс. наук, Дикая Л. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Кагермазова Л. Ц. (КБГУ, Нальчик)

д. пс. наук, Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Рюмшина Л. И. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Сидоренков А. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Щербакова Т. Н. (ГБУ ДПО РО РИПК и ППРО, Ростов-на-Дону).

Ответственный секретарь – Алексеева Д. С.

Редактор английской части – Панасенко Е. С.

Выпускающий редактор – Буняева М. В.

Технический редактор – Проненко Е. А.

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140, ком. 114

E-mail: editor@rpj.ru

Адрес издательства:

129366, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел./факс: (495) 283-55-30

E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес типографии:

344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, д. 9/15

E-mail: dsmgroup@mail.ru

Подписано в печать 25.06.2020

Дата выхода в свет: 30.06.2020
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Myriad Pro.

Печать цифровая. Усл. печ. л.

Тираж 100 экз. Заказ №

Цена свободная. 16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Попова Д. И.

Влияние смысловой установки как причина академической прокрастинации студентов высших учебных заведений 5

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Макушкина Е. В., Никитенко Е. С., Рудницкий С. Ю., Тимошенко М. С., Кара Ж. Ю.

Принятие или неприятие человека исходя из этнокультурного типа внешнего облика 20

Сетянова Е. Б.

Влияние культурных и национальных факторов на выбор партнера и брачные отношения 37

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ 48

CONTENTS

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Popova D. I.

Influence of a meaning attitude as a cause of academic procrastination
of higher education students 5

SOCIAL PSYCHOLOGY

**Makushkina E. V., Nikitenko E. S., Rudnickij S. Ju., Timoshenko M. S.,
Kara Zh. Ju.**

Acceptance or rejection of a person based on the ethnocultural type
of appearance 20

Setyanova E. B.

Influence of cultural and national factors on the choice
of a partner and marriage 37

REQUIREMENTS TO PUBLICATIONS 49

Влияние смысловой установки как причина академической прокрастинации студентов высших учебных заведений

Дарья И. Попова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: darpop@sfedu.ru

В статье рассматривается влияние смысловой установки как одна из причин академической прокрастинации. Во введении автором раскрывается актуальность темы, которая определяется распространенностью явления прокрастинации и его негативным влиянием на все жизненные аспекты студентов. Новизна исследования заключается в рассмотрении влияния одной из смысловых структур – смысловой установки – на возникновение академической прокрастинации.

В теоретическом обосновании автором рассматриваются работы российских и иностранных авторов по следующим направлениям: определение прокрастинации; виды прокрастинации; проявление академической прокрастинации и ее влияние на учебную деятельность; анализ причин академической прокрастинации; анализ влияния смысловой установки на особенности выполнения учебной деятельности, способствующие возникновению состояния прокрастинации.

В разделе «Результаты и их обсуждение» автор обращает внимание на преградную, отклоняющую и дезорганизирующую формы влияния смысловой установки, которые могут способствовать повышению уровня академической прокрастинации путем рассеивания внимания студента, повышения уровня внутреннего напряжения и отвлечения от значимой деятельности. В заключении делаются выводы о том, что: 1) за время исследования прокрастинации не было предложено единого определения прокрастинации, но была создана теоретическая база для ее изучения; 2) большие письменные работы часто вызывают прокрастинацию; 3) академическая прокрастинация очень распространена среди студентов; 4) воздействие смысловой установки может являться одной из причин появления академической прокрастинации, а переключив ее влияние на стабилизирующее, можно снизить уровень прокрастинации. Автором подчеркивается важность дальнейших исследований академической прокрастинации в связи со смысловой установкой и важность создания метода, позволяющего снижать уровень академической прокрастинации.

Ключевые слова

прокрастинация, академическая прокрастинация, смысловая установка, причины прокрастинации, проявления прокрастинации

Для цитирования: Попова Д. И. Влияние смысловой установки как причина академической прокрастинации студентов высших учебных заведений // Северо-Кавказский психологический вестник. 2020. № 18/1. С. 5–19.

Influence of a meaning attitude as a cause of academic procrastination of higher education students

Daria I. Popova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: darpop@sfnedu.ru

The article examines the influence of the meaning attitude as one of the reasons for academic procrastination. In the introduction, the author reveals the relevance of the topic, which is determined by the prevalence of the phenomenon of procrastination and its negative impact on all life aspects of students. The novelty of the research lies in considering the influence of one of the meaning structures – the meaning attitude – on the emergence of academic procrastination.

In the theoretical substantiation, the author examines the works of Russian and foreign authors in the following areas: definition of procrastination; types of procrastination; manifestation of academic procrastination and its impact on learning activities; analysis of the causes of academic procrastination; analysis of the influence of the meaning attitude on the features of the academic performance, contributing to the emergence of a state of procrastination.

In the section "Results and Discussion" the author draws attention to the blocking, deflecting and disorganizing forms of influence of the meaning attitude, which can contribute to an increase in the level of academic procrastination by scattering the student's attention, increasing the level of internal tension and distraction from meaningful activities. In conclusion, it is sentenced that: 1) during the study of procrastination, no single definition of procrastination was proposed, but a theoretical basis for its study was created; 2) long writing exercises often cause procrastination; 3) academic procrastination is very common among students; 4) the influence of a meaning attitude may be one of the reasons for the appearance of academic procrastination, and by switching its influence to a stabilizing one, one can reduce the level of procrastination. The author

emphasizes the importance of further research on academic procrastination in connection with the meaning attitude and the importance of creating a method to reduce the level of academic procrastination.

Keywords

procrastination, academic procrastination, meaning attitude, reasons for procrastination, manifestations of procrastination

For citation: Popova D. I. Influence of a meaning attitude as a cause of academic procrastination of higher education students. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2020, no. 18/1, pp. 5–19. (in Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Исследования явления прокрастинации ведутся на протяжении более чем 50-ти лет, однако актуальность изучения данного феномена продолжает возрастать. Когда публицист Тим Урбан написал о своем представлении того, как происходит прокрастинация, ему стало приходиться большое количество сообщений со всего мира от людей самых разных профессий. Они все говорили о том, как негативно повлияла прокрастинация на их жизнь, и как расстроены они данным фактом. Прокрастинация – это довольно распространенное явление, которое имеет значительное влияние на жизнь многих людей.

Кроме того, по мере усовершенствования технологий появляется все больше вариантов отдыха и развлечения. Часто для этого человеку даже не обязательно покидать собственный дом, что порождает массу способов отвлечения от выполнения важной для него деятельности, будь то выполнение рабочих или домашних обязанностей, саморазвитие, образовательная деятельность.

Академическая прокрастинация, проявляющаяся в откладывании выполнения учебных задач, является серьезной проблемой для обучающихся. Например, студенты, только поступившие в университет, получают очень много личной свободы. Предполагается, что они должны самостоятельно организовывать свое время для обучения, однако, из-за отсутствия навыка саморегуляции, студенты впадают в прокрастинацию. Вначале они откладывают выполнение домашней работы на день, затем на два. В конечном счете, работа остается незавершенной вплоть до наступления крайних сроков, так что студент должен закончить всё в сильно ограниченных условиях. Вследствие этого страдают не только качество работы и оценка за нее, но и сам студент, ведь как процесс прокрастинации, так и работа над заданиями в условиях сжатых сроков сопровождаются сильным внутренним напряжением, повышением тревожности, гневом, депрессией. Снижается общая академическая успеваемость, может даже дойти до отчисления.

Академическая прокрастинация также является серьезной проблемой не только для обучающихся, но и для всей академической среды. Последствия откладывающего поведения вынуждены испытывать на себе преподаватели, работающие со студентами-прокрастинаторами ежедневно.

Большинство авторов выделяют следующие причины академической прокрастинации: навязанность заданий извне; большие сроки, данные для завершения работы; предполагаемое большое количество времени, которое придется уделить работе; скучные, неприятные или сложные задания; высокая общая занятость (включающая другие задания и дела); новизна задачи; трудности в принятии решений или начала своей активности; отсроченность получения награды за свои труды; любые письменные задания [1, 2, 3, 4, 5].

В качестве еще одной причины появления академической прокрастинации можно рассмотреть влияние смысловых установок, описанных Д. А. Леонтьевым в рамках теории психологии смысла. В частности, большое значение могут иметь преградное, отклоняющее и дезорганизирующее влияние.

Цель исследования: изучить причины, формы проявления и механизмы реализации академической прокрастинации у студентов вузов в связи со смысловой установкой.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

На сегодняшний день в литературе нет единого определения прокрастинации, как и нет единой методологической позиции, которая бы объясняла данный феномен [2]. Это может являться следствием сложности и многообразия проявлений прокрастинации в различных сферах деятельности человека [6], а также ее взаимосвязи с личностными факторами [7], иррациональными убеждениями, удовлетворением жизнью и академическими достижениями [8, 9].

Первые упоминания феномена прокрастинации зафиксированы, как отмечает В. С. Ковылин, в работах времен расцвета индустриальной революции и в Оксфордском словаре, датированном 1548 годом [10]. Автор также отмечает существование во множестве языков пословиц, связанных с прокрастинацией, например таких, как известная каждому поговорка «не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня», или ее иностранный эквивалент «procrastination is the thief of time» («откладывание дел – вор времени»). Таким образом, вероятно, прокрастинация существовала всегда, и по мере распространения данного феномена на сферы деятельности человека и увеличения негативных последствий от влияния на них, прокрастинацию стали изучать, разрабатывать теории, методики ее измерения и способы борьбы с ней [10].

N. Milgram первоначально выделил пять основных видов прокрастинации: 1) ежедневная, или бытовая (откладывание выполнения регулярных дел); 2) прокрастинация в принятии решений (значительных и незначительных);

- 3) невротическая (откладывание принятия жизненно важных решений);
- 4) компульсивная, или хроническая (сочетание поведенческой прокрастинации и прокрастинации в принятии решений);
- 5) академическая (откладывание выполнения академических заданий, часто до крайних сроков) [1].

В дальнейшем N. Milgram и R. Tenne объединяют эти виды и выделяют два: откладывание выполнения заданий и откладывание принятия решений [10]. Также N. Milgram выделил прокрастинаторов со стремлением получить сильное эмоциональное переживание в связи с недостатком времени (активные) и прокрастинаторов, стремящихся избежать выполнения неприятных, скучных заданий (пассивные) [11]. Вдобавок к двум вышеперечисленным, J. Ferrari и T. Ruchyl выделяли прокрастинаторов с защитной тактикой целеполагания [1, 11].

Проявление академической прокрастинации и ее влияние на учебную деятельность

А. В. Микляева, Д. С. Реброва, А. С. Савинская подчеркивают значимость *академической прокрастинации*, говоря о том, что она «традиционно считается самой распространенной формой прокрастинации» [2, с. 60]. На основе проведенных исследований в литературе приводятся разные данные о распространенности прокрастинации среди студентов, но в целом процентное соотношение колеблется в диапазоне 60–95 % [4, 9, 12]. Кроме того, гендерные исследования в отношении прокрастинации показали, что прокрастинация среди студентов мужского пола является более распространенной [13]. Исследование, приведенное R. Badri Gargari, H. Sabouri и F. Norzad, оценило распространенность серьезной и хронической прокрастинации в 20–30 % среди студентов университета [14].

Академическая прокрастинация может проявляться по-разному в сфере решения академических задач. Это могут быть: простая задержка выполнения семинарских и практических занятий, позднее обращение за консультацией к преподавателю, медлительность в написании курсовой или дипломной работы, откладывание на крайний срок подготовки к экзамену и т. д. Академическую прокрастинацию можно также определить как «всепроникающее и постоянное желание со стороны ученика отложить академическую деятельность, которое почти всегда сопровождается беспокойством» [14, р. 76]. Откладывание учебы на ночь непосредственно перед экзаменом и сопровождающие тревога и спешка могут быть описаны как наиболее очевидный и знакомый случай этой формы промедления [14]. Задержка проектных работ, поздняя подготовка к тесту и т. п. видам заданий сопровождаются ухудшением оценок студентов и снижением общей успеваемости.

Прокрастинация может оказывать влияние на успеваемость по-разному:

- 1) прокрастинаторы считают себя недостаточно готовыми для выполнения задачи и поэтому избегают ее выполнения, пока у них не будет достаточно времени;
- 2) они не вкладывают достаточно времени и усилий, необходимых для хорошей работы, из-за недооценки времени;
- 3) прокрастинаторы сталкиваются с непредвиденными препятствиями, возникающими ближе к наступлению крайних сроков [8].

Как результат, формируется значительная академическая задолженность по учебным предметам, что вполне может привести к отчислению. При этом методы ужесточения временных сроков к сдаче работ могут только усугубить ситуацию [4, 8, 15].

Стоит отметить, что для некоторых студентов прокрастинирование служит временным избавлением от стресса или стратегическим усилием по улучшению плохого настроения [16]. С другой стороны, откладывая выполнение академических задач, студенты могут добавлять себе напряжение, которое заставляет их работать с максимальной эффективностью [4]. Однако на сегодняшний день все больше и больше исследований показывают, что академическая прокрастинация скорее является «типичным провалом саморегуляции» [16, р. 4], чем осознанно выбранной стратегией. Медлительность в выполнении учебных задач, как говорилось ранее, сопровождается повышением тревожности [11, 17], которая и так является одним из факторов, препятствующих активной деятельности.

Экспериментально доказано, что прокрастинацию также сопровождает внутреннее напряжение, или, как его еще можно определить, академический стресс [12]. М. Ashraf, J. A. Malik и S. Musharraf считают, что стресс может возникать из-за прогнозируемого разочарования [13]. Не ограничиваясь тревожностью и стрессом, прокрастинация также способствует появлению таких негативных эмоций и состояний, как страх, чувство вины, стыд, депрессия, гнев, субъективное ощущение внутреннего дискомфорта [6, 8, 14, 18]. Причем прокрастинаторы не сдерживают проявлений своих негативных эмоций и могут открыто заявлять о своем недовольстве, при этом не стремясь изменить что-то в своей жизни [15].

Академическая прокрастинация может повлиять на удовлетворенность жизнью студентов посредством неудач в выполнении работ, отложенных на крайний срок, – следовательно, она способна существенно снизить академическую успеваемость и результативность в будущем [8].

Анализ причин академической прокрастинации

Как мы упоминали ранее, существует множество причин прокрастинации. Большинство студентов сообщают о том, что они чаще откладывают написание

документов или письменных работ, чем любую другую академическую деятельность. Все дело в том, что письменные работы представляют собой сложную познавательную деятельность, которая часто не может быть успешно решена одним поспешным черновиком. Кроме того, из-за сдачи работы в крайние сроки, может не быть возможности перепроверить свою работу несколько раз, поэтому автор безуспешно пытается достичь совершенства сразу, без чернового варианта. Говоря «безуспешно», мы имеем в виду, что написать письменную работу с первого раза хорошо не получается в большинстве случаев, вследствие чего студент получает неудовлетворяющую его оценку [14]. Кроме того, возможно, что студенты чаще откладывают письменную работу, чем любую другую, ввиду того факта, что письменная работа в любом случае будет просмотрена и оценена кем-то. При этом их устная речь может избежать более строгой оценки, по сравнению с письменной.

S. Zacks и M. Neer разделяют причины прокрастинации на внутренние (аффективные, психические и физические состояния; поведение; личность; личные убеждения; компетентность; предыдущий опыт обучения; воспринимаемые характеристики задачи) и внешние (индивидуальные условия труда; характеристики лектора; институциональные условия) [4].

М. Н. Махмудов, А. А. Щевьев и Е. А. Лопатин выделяют три группы причин. В первую группу вошли: субъективные представления о собственной личности, представления о своем физиологическом состоянии (усталость), представления о состоянии психики (проблемы в личной жизни), особенности темперамента (сложность включения в работу), особенности характера (вера в свои силы, отношение к задаче и ее результату). Вторая группа состоит из представлений о характеристике самой задачи (скучная или интересная, трудная или легкая). Например, если задача оценивается студентом как монотонная, то ее выполнение откладывается. В третью группу вошли представления об условиях, в которых выполняется задача. Это может быть отсутствие необходимых средств (материальных, технических, информационных), отсутствие времени, неблагоприятная рабочая среда (душное помещение, отвлекающий шум), а также «наличие возможности временно отложить выполнение дела, заняться чем-то более важным или переложить работу на другого» [12, с. 14].

Причину прокрастинации исследователи связывают и со «сбоями» в саморегуляции, о чем говорилось ранее, а также с отсутствием субъективной значимости цели академической деятельности.

Многие исследователи указывают, что иррациональные убеждения также приводят к прокрастинации [8, 16, 17, 19]. Согласно рациональной эмоционально-поведенческой теории, убеждения бывают либо рациональными, либо иррациональными. Рациональные убеждения логичны и подкреплены личным опытом. Они ведут к здоровым эмоциональным реакциям. И наоборот,

иррациональные убеждения нелогичны, несовместимы с реальностью, не вытекают из личного опыта и воздействуют на индивида совершенно противоположным образом. Иррациональные убеждения включают в себя: чрезмерное и недооцененное количество времени, необходимого для выполнения задач; чрезмерное и недооцененное количество мотивации для выполнения задач; веру студента в то, что он должен быть в правильном настроении, чтобы успешно выполнить задачу.

Мы полагаем, что прокрастинация также связана со смысловыми установками, а точнее, смысловые установки являются еще одной причиной возникновения прокрастинации.

Смысловые установки были исследованы Д. А. Леонтьевым в рамках психологии смысла. Д. А. Леонтьев определял смысловую установку как «составляющую исполнительных механизмов деятельности, отражающую в себе жизненный смысл объектов и явлений действительности, на которые эта деятельность направлена, и феноменологически проявляющуюся в различных формах воздействия на протекание актуальной деятельности» [20, с. 184]. По его мнению, регулирующее воздействие различных жизненных смыслов на деятельность субъекта не всегда осознано самим субъектом. Другими словами, смысловые установки непроизвольно влияют на исполнительный механизм деятельности [20].

Воздействие смысловых установок на деятельность человека может протекать в различных формах:

- стабилизирующее влияние;
- преградное влияние;
- отклоняющее влияние;
- дезорганизирующее влияние.

Д. А. Леонтьев подчеркивает, что стабилизирующее влияние является самой изученной формой влияния смысловой установки на деятельность субъекта. Кроме того, А. Г. Асмоловым оно было отмечено как основная функция смысловой установки [20].

Стабилизирующее влияние проявляется в пяти классах феноменов: селекции и фильтрации, сенсбилизации, структурирования, инерции деятельности, защиты от внешних помех [20]. В целом проявления этих феноменов способствуют концентрации внимания на выполняемой деятельности и игнорированию внешних отвлекающих стимулов.

Второй формой влияния установки на деятельность субъекта является *преградное влияние*. Данная форма влияния подразумевает воздвижение осознаваемых или неосознаваемых барьеров, препятствующих достижению цели, значимость которой осознается субъектом. При этом данные барьеры входят в систему механизмов, регулирующих деятельность. Преградное

влияние проявляется в уклонении от выполнения деятельности или снижении ее масштаба.

Отклоняющее влияние, как третья форма влияния смысловой установки на деятельность субъекта, является отклонением от процесса деятельности. Примером отклоняющего влияния будет ситуация, в которой субъект не желает выполнять значимую деятельность или выполняет ее «через силу», несмотря на то, что он осознает ее важность.

Дезорганизирующее влияние – это последняя форма влияния смысловой установки. Причиной возникновения данной формы служит фрустрация значимого мотива, его закованность в рамки или зависимость его реализации от внешних обстоятельств. Дезорганизирующее влияние проявляется, например, в избыточном внутреннем напряжении, которое субъект не способен контролировать.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На наш взгляд, необходимо обратить внимание на последние три формы влияния смысловой установки на деятельность субъекта, а именно на влияние преградное, отклоняющее и дезорганизирующее, в контексте анализа причин прокрастинации. Важным является то, что действие смысловой установки не всегда осознается субъектом. Студенты, говоря о прокрастинации, отмечают, что они «не в полной мере осознают конкретные причины ее возникновения и развития, что не позволяет им эффективно преодолевать тенденцию к “откладыванию учебных дел на потом”» [2, с. 64]. При этом студенты понимают, что ответственность за их прокрастинирующее поведение лежит не на других людях, а находится в самой личности студентов, в особенностях этой личности. В. С. Ковылин подчеркивает данный тезис, говоря, что прокрастинация может сигнализировать о наличии глубинного внутриличностного конфликта, вследствие чего человек может бессознательно откладывать выполнение деятельности, имеющей для него символическое значение, избегать ее, долго готовиться к ее выполнению, выполняя различные «ритуалы» [10]. Примером таких «ритуалов» может быть прием пищи при отсутствии чувства голода или уборка и без того чистого помещения. Другими словами, подобные «ритуалы» можно назвать иррациональными убеждениями, которые уже подтверждены другими исследователями как причины академической прокрастинации. Субъект также может отвести выполнению работы значительное время, полностью подготовиться к выполнению задачи, но, сев за работу, действительно работать над задачей очень непродолжительное время, отвлекаясь или смотря в чистый лист без какого-либо прогресса. В этом будет заключаться проявление преградного влияния смысловой установки.

Отклоняющее влияние смысловой установки может проявляться следующим образом. Субъект, даже осознавая важность работы, которая должна быть

выполнена, с трудом приступает к академической деятельности. Ему стоит больших усилий удерживать себя на рабочем месте, при этом не переходя к выполнению другой деятельности. В ином же случае субъект, не в силах сдерживать давление, исходящее от необходимости выполнить задачу, прекращает значимую деятельность, отвлекается и начинает заниматься малозначимой или незначимой деятельностью.

Как было сказано ранее, прокрастинация сопровождается сильнейшим внутренним напряжением, которое негативно влияет как на выполнение академической деятельности, снижая ее успешность, так и на деятельность, не связанную с выполнением академической задачи. В этом проявляется дезорганизующее влияние смысловой установки. Смысловая установка вызывает избыточное аффективное напряжение у индивида. Такое напряжение, возможно, может проявляться как в случае излишней значимости, так и в случае отсутствия личностного смысла задания для студента. Примером проявления избыточного аффективного напряжения может служить состояние, которое часто испытывается студентами, а именно невозможность приступить к заданию из-за сильного стресса, даже когда для его выполнения определено конкретное время и все подготовлено для работы. Если говорить только об определении дезорганизующего влияния, то мы выделяем как причину его появления наличие рамок и внешних обстоятельств, которые ограничивают значимый мотив. Говоря же об академической прокрастинации, мы выделяем наличие рамок, но в этом случае временных. Часто эти временные рамки становятся более жесточенными, если студент откладывает академическую деятельность на довольно большое количество времени. Из-за оставшегося крайне малого количества времени студент не имеет возможности заниматься другой деятельностью, иногда более значимой, чем академическая задача. Он может не придавать значения выполнению академической задачи из-за того, что для него награда, которую он, вероятно, должен получить за выполнение академической деятельности, размыта или не определена конкретно, либо награда слишком сильно отсрочена во времени или совсем не имеет четких сроков. Вследствие отсутствия у учебной деятельности смысловой значимости студент наделяет значимостью другую деятельность, что запускает дезорганизующее влияние смысловой установки и способствует появлению прокрастинации. Это утверждение подтверждают слова А. В. Микляевой, Д. С. Ребровой и А. С. Савинской о том, что причиной прокрастинации является «отсутствие субъективной значимости целей учебной деятельности» [2, с. 59].

Подводя итог всему вышесказанному, мы полагаем, что академическая прокрастинация может являться следствием воздействия на учебную деятельность трех форм влияния смысловой установки, а именно влияния преградного, отклоняющего и дезорганизующего. А. В. Микляева, Д. С. Реброва и А. С. Савинская

утверждают, что исследователи, указывая причины прокрастинации, выделяют расщепление побуждающей и смыслообразующей функций мотивов деятельности [2]. Следовательно, для снижения уровня прокрастинации в учебной деятельности студентов необходимо воздействовать на смысловую установку таким образом, чтобы изменить влияние с преградного, отклоняющего и дезорганизирующего на стабилизирующее. Подобное действие будет способствовать концентрации внимания на выполнении значимой академической задачи, что в теории повысит академическую успеваемость и удовлетворенность жизнью.

Заключение

Академическая прокрастинация, проявляющаяся в откладывании выполнения учебных задач на неопределенный срок, является серьезной проблемой в академической среде. Воздействие академической прокрастинации сопровождается повышением стресса, тревожности, страха, чувства вины или стыда, депрессией, гневом, а также субъективным ощущением внутреннего дискомфорта.

Стоит отметить, что с высокой вероятностью подобное воздействие будет влиять не только на академическую жизнь студента, но и на другие сферы жизни в целом. Студент не сможет проводить свое свободное время за любимым занятием, потому что его будет преследовать страх неоконченного академического задания, которое он откладывает. Вследствие чего студент не будет отдыхать достаточно, чтобы спокойно переносить рассчитанную университетом необходимую академическую нагрузку, а значит, стресс и тревожность не будут уменьшаться совсем. Однако и сесть за выполнение академического задания студент окажется не в состоянии.

Академическая прокрастинация также способствует ухудшению успеваемости, появлению задолженностей или даже может стать причиной отчисления. Кроме того, она затрагивает не только самого студента, который, находя множество причин, задерживает сдачу работы, но и тех, кто должен принимать эту работу, зачастую тогда, когда время уже вышло. Преподавателям приходится тратить свое свободное время, чтобы помочь прокрастинирующим студентам. Как итог, уровень стресса может повыситься и у преподавателей.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. За 50 лет изучения данного феномена не было создано единого определения прокрастинации. Были созданы теоретическая база для ее изучения и методики для определения уровня прокрастинации. Определены различные классификации видов прокрастинации, и приведено большое количество причин, которые могут способствовать появлению прокрастинации.

2. Академическую прокрастинацию очень часто вызывают задания, включающие написание больших письменных работ.
3. Академическая прокрастинация очень распространена среди студентов.
4. Воздействие смысловой установки может являться одной из причин появления академической прокрастинации. Соответственно, чтобы снизить уровень прокрастинации, необходимо воздействовать на смысловую установку.

На сегодняшний день не создано метода, который бы позволил стабильно уменьшать влияние академической прокрастинации на учебную деятельность студентов. Поэтому, на наш взгляд, необходимы дальнейшие исследования академической прокрастинации в связи со смысловой установкой. Эти исследования могли бы позволить, во-первых, доказать влияние воздействия смысловой установки на уровень прокрастинации, во-вторых, дать основу для создания метода, позволяющего изменять влияние смысловой установки таким образом, чтобы уровень академической прокрастинации снижался.

Студенты, страдающие от академической прокрастинации, не выбирают академическую прокрастинацию сами, а значит, они не могут легко от нее отказаться. Поэтому создание такого метода будет значимым событием для академической среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шемякина О. О.* Влияние прокрастинации на уровень стресса у студентов // Психология и право. 2013. Т. 3, № 4. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66242.shtml> (дата обращения: 03.05.2020).
2. *Микляева А. В., Реброва Д. С., Савинская А. С.* Академическая прокрастинация в студенческой среде: результаты эмпирического исследования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 19. С. 59–66.
3. *Узлов Н. Д.* Изучение причин академической задолженности студентов с привлечением концепции прокрастинации // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи. Сборник научных статей. Саратов: Саратовский источник, 2015. С. 95–101.
4. *Zacks S., Hen M.* Academic interventions for academic procrastination: A review of the literature // Journal of Prevention & Intervention in the Community. 2018. Vol. 46, Issue 2. P. 117–130. DOI: [10.1080/10852352.2016.1198154](https://doi.org/10.1080/10852352.2016.1198154)
5. *Lenggono B., Tentama F.* Construct measurement of academic procrastination of eleventh grade high school students in Sukoharjo // International Journal of Scientific & Technology Research. 2020. Vol. 9, Issue 01. P. 454–459.
6. *Лебедева Е. В.* Академическая прокрастинация и особенности личностной организации времени у студентов вуза // Актуальные проблемы

- гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–4. С. 139–143.
7. *Karatas H.* Correlation among academic procrastination, personality traits, and academic achievement // *Anthropologist*. 2015. Vol. 20, Issue 1,2. P. 243–255.
 8. *Balkis M.* Academic procrastination, academic life satisfaction and academic achievement: The mediation role of rational beliefs about studying // *Journal of Cognitive and Behavioral Psychotherapies*. 2013. Vol. 13, Issue 1. P. 57–74.
 9. *Goroshit M.* Academic procrastination and academic performance: An initial basis for intervention // *Journal of Prevention & Intervention in the Community*. 2018. Vol. 46, Issue 2. P. 131–142. DOI: [10.1080/10852352.2016.1198157](https://doi.org/10.1080/10852352.2016.1198157)
 10. *Ковылин В. С.* Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2013. № 2 (2). С. 22–41.
 11. *Сибирцева Е. И.* Личностные ресурсы людей с различным уровнем прокрастинации // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2016. № 1. С. 74–83.
 12. *Махмудов М. Н., Щевьев А. А., Лопатин Е. А.* Психологические корреляты академической прокрастинации // *Человеческий капитал*. 2015. № 9. С. 13–17.
 13. *Ashraf M., Malik J. A., Musharraf S.* Academic stress predicted by academic procrastination among young adults: Moderating role of peer influence resistance // *Jamshoro Liaquat University of Medical and Health Sciences*. 2019. Vol. 18, Issue 01. P. 65–70. DOI: [10.22442/jlumhs.191810603](https://doi.org/10.22442/jlumhs.191810603)
 14. *Badri Gargari R., Sabouri H., Norzad F.* Academic procrastination: The relationship between causal attribution styles and behavioral postponement // *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 5, Issue 2. P. 76–82.
 15. *Ивутина Е. П., Шуракова Е. С.* Академическая прокрастинация как проявление защитно-совладающего поведения у студентов // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2013. № 4–1. С. 146–151.
 16. *Hen M., Goroshit M.* The effects of decisional and academic procrastination on students' feelings toward academic procrastination // *Current Psychology*. 2020. Vol. 39. P. 556–563. DOI: [10.1007/s12144-017-9777-3](https://doi.org/10.1007/s12144-017-9777-3)
 17. *Fritzsche B. A., Young B. R., Hickson K. C.* Individual differences in academic procrastination tendency and writing success // *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35, Issue 7. P. 1549–1557. DOI: [10.1016/S0191-8869\(02\)00369-0](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(02)00369-0)
 18. *Виндекер О. С., Сморгалова Т. Л., Лебедев С. Ю.* Психологические корреляты прокрастинации и сценарий отложенной жизни // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2016. Т. 150, № 2. С. 98–108.

19. Balkis M., Duru E., Bulus M. Analysis of the relation between academic procrastination, academic rational/irrational beliefs, time preferences to study for exams, and academic achievement: a structural model // *European Journal of Psychology of Education*. 2013. Vol. 28. P. 825–839. DOI: [10.1007/s10212-012-0142-5](https://doi.org/10.1007/s10212-012-0142-5)
20. Леонтьев Д. А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003. 486 с.

REFERENCES

1. Shemyakina O. O. The effect of procrastination on stress levels in students. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*, 2013, V. 3, Issue 4. Available at: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66242.shtml> (Accessed 03 May 2020). (in Russ.).
2. Miklyaeva A. V., Rebrova D. S., Savinskaya A. S. Academic procrastination in the student environment: the results of an empirical study. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Irkutsk State University Bulletin. Series: Psychology*, 2017, V. 19, pp. 59–66. (in Russ.).
3. Uzlov N. D. Studying the causes of student academic debt using the concept of procrastination. In: *Rol' prokrastinatsii v protsesse samoopredeleniya molodezhi. Sbornik nauchnykh statei* [The role of procrastination in youth self-determination. Collection of scientific articles]. Saratov: Saratovskii istochnik, 2015, pp. 95–101. (in Russ.).
4. Zacks S., Hen M. Academic interventions for academic procrastination: A review of the literature. *Journal of Prevention & Intervention in the Community*, 2018, V. 46, Issue 2, pp. 117–130. DOI: [10.1080/10852352.2016.1198154](https://doi.org/10.1080/10852352.2016.1198154)
5. Lenggono B., Tentama F. Construct measurement of academic procrastination of eleventh grade high school students in Sukoharjo. *International Journal of Scientific & Technology Research*, 2020, V. 9, Issue 01, pp. 454–459.
6. Lebedeva E. V. Academic procrastination and characteristics of the personal organization of time among university students. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 2016, Issue 1–4, pp. 139–143. (in Russ.).
7. Karatas H. Correlation among academic procrastination, personality traits, and academic achievement. *Anthropologist*, 2015, V. 20, Issue 1,2, pp. 243–255.
8. Balkis M. Academic procrastination, academic life satisfaction and academic achievement: The mediation role of rational beliefs about studying. *Journal of Cognitive and Behavioral Psychotherapies*, 2013, V. 13, Issue 1, pp. 57–74.
9. Goroshit M. Academic procrastination and academic performance: An initial basis for intervention. *Journal of Prevention & Intervention in the Community*, 2018, V. 46, Issue 2, pp. 131–142. DOI: [10.1080/10852352.2016.1198157](https://doi.org/10.1080/10852352.2016.1198157)

10. Kovylin V. S. Theoretical foundations of studying the phenomenon of procrastination. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie – Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 2013, no. 2 (2), pp. 22–41. (in Russ.).
11. Sibirtseva E. I. Personal resources of people with different levels of procrastination. *Vestnik KRAUNTS. Fiziko-matematicheskie nauki – Bulletin KRASEC. Physical & Mathematical Sciences*, 2016, Issue 1, pp. 74–83. (in Russ.).
12. Makhmudov M. N., Shchev'ev A. A., Lopatin E. A. Psychological correlates of academic procrastination. *Chelovecheskii kapital – Human Capital*, 2015, Issue 9, pp. 13–17. (in Russ.).
13. Ashraf M., Malik J. A., Musharraf S. Academic stress predicted by academic procrastination among young adults: Moderating role of peer influence resistance. *Jamshoro Liaquat University of Medical and Health Sciences*, 2019, V. 18, Issue 01, pp. 65–70. DOI: [10.22442/jlumhs.191810603](https://doi.org/10.22442/jlumhs.191810603)
14. Badri Gargari R., Sabouri H., Norzad F. Academic procrastination: The relationship between causal attribution styles and behavioral postponement. *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*, 2011, V. 5, Issue 2, pp. 76–82.
15. Ivutina E. P., Shurakova E. S. Academic procrastination as a manifestation of defensive-coping behavior in students. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Bulletin of Vyatka State Humanitarian University*, 2013, Issue 4–1, pp. 146–151. (in Russ.).
16. Hen M., Goroshit M. The effects of decisional and academic procrastination on students' feelings toward academic procrastination. *Current Psychology*, 2020, V. 39, pp. 556–563. DOI: [10.1007/s12144-017-9777-3](https://doi.org/10.1007/s12144-017-9777-3)
17. Fritzsche B. A., Young B. R., Hickson K. C. Individual differences in academic procrastination tendency and writing success. *Personality and Individual Differences*, 2003, V. 35, Issue 7, pp. 1549–1557. DOI: [10.1016/S0191-8869\(02\)00369-0](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(02)00369-0)
18. Vindeker O. S., Smorkalova T. L., Lebedev S. Yu. Psychological correlates of procrastination and the deferred life scenario. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture*, 2016, V. 150, Issue 2, pp. 98–108. (in Russ.).
19. Balkis M., Duru E., Bulus M. Analysis of the relation between academic procrastination, academic rational/irrational beliefs, time preferences to study for exams, and academic achievement: a structural model. *European Journal of Psychology of Education*, 2013, V. 28, pp. 825–839. DOI: [10.1007/s10212-012-0142-5](https://doi.org/10.1007/s10212-012-0142-5)
20. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: Priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [The psychology of meaning: The nature, structure and dynamics of meaningful reality]. Moscow, Smysl, 2003. 486 p. (in Russ.).

Принятие или неприятие человека исходя из этнокультурного типа внешнего облика

Елизавета В. Макушкина, Елена С. Никитенко, Сергей Ю. Рудницкий,
Мария С. Тимошенко, Жанна Ю. Кара*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

* E-mail: kara_j@mail.ru

В настоящее время межкультурные коммуникации в мире протекают все более интенсивно, и вместе с тем изменяется психологическое восприятие представителей других этнических групп и их культур. В статье рассматривается проблема этнической толерантности в ситуации восприятия внешности человека. Актуальность данной проблемы обусловлена нарастанием в обществе дискриминации людей из разных этнокультурных групп, вызванная особенностями внешнего облика.

В ходе теоретического анализа раскрыты различные значения и психологические составляющие феномена толерантности. Авторы статьи рассматривают толерантность, в том числе, как способность человека понять и принять различия (непохожесть) с представителем иной этнической группы. Подчеркивается, что отличительные черты, которые присущи определенному типу внешнего облика, позволяют разделять «своего» и «чужого» в соответствии с имеющимися этностереотипами. Кроме того, обращается внимание на особенности выстраивания социальной дистанции в зависимости от степени проявления толерантного отношения к Другому.

Оригинальность авторского замысла определяется тем, что этническая толерантность/интолерантность рассматривается как стремление к сокращению/усилению социальной дистанции на основании сложившегося образа внешнего облика. Новизна заключается в эмпирическом исследовании склонности человека проявлять толерантное отношение исходя из этнокультурного типа внешнего облика. Эмпирически показано, что люди, демонстрирующие толерантное отношение к представителям иной этнокультурной группы, будут выстраивать более низкую социальную дистанцию. Данный показатель говорит о принятии Другого, об открытости во взаимоотношениях. Следовательно, по мере увеличения социальной дистанции будут проявляться признаки интолерантного отношения. Полученные результаты могут быть использованы в профессиональной деятельности специалистами по вопросу межэтнических отношений. А также полученные результаты можно применять при разработке программ, направленных на профилактическую работу с экстремизмом, дискриминацией. В заключение авторами статьи даны рекомендации в отношении способов повышения уровня этнической толерантности.

Ключевые слова

толерантность, этническая толерантность, интолерантное отношение, социальная дистанция, дискриминация, принятие, внешний облик, этнические стереотипы, иная культура, межэтническое взаимодействие

Для цитирования: Макушкина Е. В., Никитенко Е. С., Рудницкий С. Ю., Тимошенко М. С., Кара Ж. Ю. Принятие или неприятие человека исходя из этнокультурного типа внешнего облика // Северо-Кавказский психологический вестник. 2020. № 18/1. С. 20–36.

Acceptance or rejection of a person based on the ethnocultural type of appearance

Elizaveta V. Makushkina, Elena S. Nikitenko, Sergej Ju. Rudnickij,
Marija S. Timoshenko, Zhanna Ju. Kara*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author. E-mail: kara_j@mail.ru

Nowadays intercultural communications in the world are proceeding more and more intensively, and at the same time the psychological perception of representatives of other ethnic groups and their cultures is changing. The article deals with the problem of ethnic tolerance in the situation of perception of a person's appearance. The relevance of this problem is due to the increase in the society of discrimination of people from different ethnocultural groups caused by the features of the appearance.

In the course of theoretical analysis various meanings and psychological components of the phenomenon of tolerance are revealed. The authors of the article consider tolerance as the ability of a person to understand and accept differences (dissimilarity) with a representative of a different ethnic group. It is emphasized that the distinctive features inherent to a certain type of appearance allow us to separate "friend" and "foe" in accordance with the existing ethno-stereotypes. In addition, attention is drawn to the peculiarities of building social distance depending on the degree of manifestation of a tolerant attitude towards another.

The originality of the author's intention is determined by the fact that ethnic tolerance/intolerance is considered as a tendency to reduce/increase social distance based on the established image of appearance. The novelty of the research lies in an empirical study of the tendency of a person to evince a tolerant attitude based on the ethnocultural type of external appearance.

It is shown empirically that people who demonstrate a tolerant attitude towards representatives of a different ethnocultural group build a lower social distance.

It indicates the acceptance of another, openness in relationships. Consequently, as social distance increases signs of an intolerant attitude appear.

The results of the study can be used in the practical work of psychologists and other specialists dealing with issues of inter-ethnic relations, in the development of programs to combat extremism and discrimination. In conclusion the authors of the article made recommendations how to increase the level of ethnic tolerance.

Keywords

tolerance, ethnic tolerance, intolerant attitudes, social distance, discrimination, acceptance, appearance, ethnic stereotypes, different culture, inter-ethnic interaction

For citation: Makushkina E. V., Nikitenko E. S., Rudnickij S. Ju., Timoshenko M. S., Kara Zh. Ju. Acceptance or rejection of a person based on the ethnocultural type of appearance. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2020, no. 18/1, pp. 20–36. (in Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир, в том числе и российское общество, погрузился в дискуссии, которые вызваны дискриминацией и связаны с проявлениями толерантности и интолерантности. Дискриминация осуществляется по трудовому, профессиональному, гендерному или возрастному признакам. Сюда же можно приписать ущемление прав людей, принадлежащих к тем или иным группам по социальному или национальному признаку. Подобные дискуссии зачастую подчеркивают, что дискриминируемые люди, или люди, к которым проявляют интолерантное отношение, могут терпеть весьма серьезные экономические, психологические или социальные издержки. Данный вопрос рассматривался в работах А. Г. Асмолова, Д. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалла, П. Н. Ермакова, И. В. Абакумовой, Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгеровой, Р. С. Шилко, Д. Кенрика, С. Нейберга, Р. Чалдини, Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко.

Современная психология обращает особое внимание на дискриминацию по этнокультурному признаку, из чего можно сформулировать следующую проблему: необходимо изучение процесса восприятия людей из различных этнокультурных групп и выявление уровня толерантного или интолерантного отношения к ним, наряду с рассмотрением стереотипов и эмоционально-оценочных суждений, имеющих роль детерминант уровня социальной дистанции.

Общество постоянно претерпевает социальные изменения, и на данный момент в современном обществе наблюдается ажиотаж вокруг проявления толерантности и интолерантности, в том числе и по отношению к разным этническим группам. В современном обществе также наблюдается формирование

групп по образу внешнего облика – своеобразные новые марки этнокультурных групп. Обычно это передается такими устойчивыми выражениями, как «лицо кавказской национальности», «лицо славянской внешности». Они начинают появляться почти во всех сферах жизнедеятельности. В качестве результата мы видим формирование негативных установок и «знак вражды». Данные фразы используются в качестве неких этнических ярлыков и прозвищ, которые имеют оскорбительный потенциал или «обидное» содержание.

Таким образом, актуальностью данного исследования является то, что в современном обществе возрастает этническая напряженность, которая обусловлена распространением социальной дискриминации и проявлением интолерантного отношения к людям с различными этнокультурными типами внешнего облика. В связи с этим возникает практическая значимость знаний о социальных и психологических аспектах толерантного отношения к людям с различными этнокультурными типами внешнего облика.

Теоретическое обоснование

Для того чтобы понять закономерности соотношения толерантности и социальной дистанции, рассмотрим данные понятия в контексте психологических подходов разных авторов.

Категория «толерантность» является объектом изучения многих наук. И как следствие, в зависимости от ракурса научного обзора, трактуется с различных позиций [1]: социальной, религиозной, политической, психологической, этнической и т. д. Значимость данного понятия подчеркивается тем фактом, что определение толерантности зафиксировано не только в научной среде, но и в правовых документах. В частности, «Декларация принципов толерантности» [2] (в другом переводе – терпимости), принятая резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г., утверждает, что «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [2].

Это определение в большой степени созвучно психологическому пониманию толерантности, которое можно найти, например, в работах А. Г. Асмолова, Г. У. Солдатовой и Л. А. Шайгеровой [3, 4]. Ученые обозначают свое понимание толерантности как «принятие другого человека», проявление эмпатии (включенность, сопереживание, сочувствие другому человеку) [3, 4], признание «ценности многообразия человеческой культуры» [3, 4]. На поведенческом уровне они характеризуют толерантность как «доминанту отказа от агрессии», как способность воспринимать другого человека, его характер, поведение, образ жизни, стиль жизни и др., спокойно и без активного вмешательства [3, 4, 5]. Этой же точки зрения придерживается Е. Ю. Клепцова,

утверждая, что толерантному человеку присуще стремление понять оппонента и позитивно взаимодействовать с ним [5]. Г. У. Солдатова рассматривает толерантность «как способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно-психического состояния, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных взаимоотношений с собой и окружающим миром» [4, с. 64]. Р. Р. Валитова рассматривает категорию «толерантность» как диалог с Другим и настроенность на понимание [6]. П. В. Степанов определяет толерантность через ценностное отношение человека к людям, выражающееся в принятии, признании и понимании представителей других культур [7].

Г. Л. Бардиер смотрит на это явление шире и определяет толерантность как установку личности, которая имеет три составляющие: когнитивную, эмоциональную и поведенческую [8, 9]. Рассматривая толерантность в совокупности психологического и философского подходов, отмечает позитивную реакцию человека на окружение по трем основным (социальным) сферам – взаимоотношений, познания и поведения [8, 9].

Поэтому, если свести все определения психологической толерантности к общему знаменателю, то можно выделить следующие составляющие данного психологического концепта:

- это сознательный, осмысленный и ответственный выбор человека;
- этот выбор строится на ценностно-смысловой системе, включающей уважение к другому человеку, признание ценности его прав и свобод, равноправие всех людей и др.;
- этот выбор обуславливает особый способ межличностного взаимодействия с другими людьми.

Одну из центральных и важнейших форм социально-психологической толерантности представляет «толерантность этническая» [10]. Н. М. Лебедева определяет эту форму как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре и наличие позитивного образа другой культуры при сохранении позитивного восприятия собственной [10, 11]. Существуют несколько подходов к определению этнической толерантности. Мы же рассмотрим этническую толерантность по уровням: 1) индивидуальный (или личностный, как способность человека к саморефлексии исходя из личностных ценностей и установок); 2) межгрупповой (человек входит в состав какой-либо группы, идентифицирует себя с ней, и далее происходит процесс восприятия одной группой другой); 3) межличностный (в основе межличностной толерантности находятся отношения между отдельными индивидами, принятие, уважение индивидуальности другой личности без утраты чувства сохранности собственного Я).

В рамках данного исследования наше внимание будет сосредоточено на индивидуальном уровне, поскольку именно так мы будем рассматривать

закономерности толерантного либо интолерантного отношения к представителям иного этноса.

Определяя понятие толерантности, важно сразу определить и противоположную категорию – «интолерантность». Вполне очевидно, что два этих психологических явления неразрывно связаны друг с другом и отражают, по сути, две стороны одного явления. Как подмечает Э. М. Гусейнова, толерантность проявляется в ситуациях, где у каждого свое мнение, где взгляды людей не совпадают. В такие моменты толерантность является серединой между терпимостью и нетерпимостью [12].

Действительно, толерантность и интолерантность – это две границы межэтнического взаимодействия. По мнению А. Г. Асмолова, Г. У. Солдатовой, диапазон понятия «интолерантность» колеблется «от обычной невежливости до геноцида», сознательного уничтожения людей [3]. В качестве достаточно тревожного примера проявления социальной интолерантности можно привести увеличение числа молодежных организаций экстремистского характера [13]. Подростковый возраст, как неустойчивый, наиболее подвержен вовлечению в подобные движения, т. к. «их сознание направлено на противоречие и самоутверждение» [13, с. 681].

Теперь обратимся ко второй категории нашего исследования – к анализу того, как человек выстраивает социальную дистанцию в зависимости от внешнего облика «оппонента» и собственных этнокультурных стереотипов.

Для начала рассмотрим понятие внешнего облика. Почему это важно? Дело в том, что внешний облик состоит из культурно-исторических, социально-символических, ситуативных и аситуативных компонентов, имеющих различную степень осознанности, интенциональности, целенаправленности [14, 15, 16, 17]. Именно внешний облик становится первым и подчас главным элементом стереотипизации восприятия. А существование и распространенность стереотипов восприятия значительно усложняют межкультурное взаимодействие [18]. И здесь – в социально-культурной плоскости – толерантность и определяет уровень зрелости общества, готовность к общему поиску путей бесконфликтного сосуществования, основанного на осознании объективного многообразия в обществе [19, 20]. Агрессивное поведение и расширение границ проявления межэтнических конфликтов по отношению к «не таким, как ты» указывают на проблемную зону, оказывающую влияние на молодых людей, среди которых наблюдается катастрофический рост всевозможных форм асоциального поведения [20].

Исходя из цели данного исследования, мы сосредоточим внимание на аспекте восприятия внешнего облика человека через призму этничности. Стоит отметить, что первый серьезный проект в этом направлении был осуществлен в 1933 г. американскими социальными психологами. Д. Кац

и К. Брейли предложили студентам Принстонского университета список из 84 личностных черт (описан Т. Г. Стефаненко, 2006 г.). Далее они должны выбрать по пять, наиболее характерных для десяти групп: «белых американцев», афроамериканцев, англичан, ирландцев, немцев, итальянцев, евреев, китайцев, японцев, турок. В этом исследовании была выявлена высокая степень согласия в приписывании некоторых черт тем или иным этническим группам. Так, 84 % испытуемых считали, что афроамериканцы суеверны, 78 % – что немцы способны к наукам, и т. п. (Т. Г. Стефаненко, 2006 г.).

Этническим стереотипам присущи определенные особенности, которые в конечном итоге определяют их значимость в формировании толерантного или интолерантного отношения. Во-первых, среди наиболее существенных свойств этнических стереотипов выделяют их эмоционально-оценочный характер. Другим важным свойством этнических стереотипов считается устойчивость и даже ригидность к новой информации. Негативные образы, стереотипы, предрассудки, являющиеся результатом сравнения социальных объектов, прочно входят как когнитивные компоненты в структуру дискриминационного отношения к Другому [21].

С психологической точки зрения формирование этнических стереотипов сопряжено с эффектами ингруппового фаворитизма и аутгрупповой враждебности, т. е. со стремлением разделить всех на «своих» и «чужих». Такое разделение очень ярко проявляется при первом впечатлении. В этот момент в сознании человека актуализируются, в первую очередь, этнические стереотипы, и только потом остальные. В соответствии с этническими стереотипами человеку уже заочно приписываются определенные характеристики и качества личности, а возможные индивидуальные характеристики исключаются. А это, в свою очередь, способствует недопониманию [22, 23] и формирует определенную социальную дистанцию [24].

Изначально термин «социальная дистанция» появился в рамках социологической науки, но со временем прочно закрепился и в психологическом пространстве. Здесь психологическая дистанция выступает основным показателем, при помощи которого можно сначала качественно, а затем и количественно анализировать отличия в межличностных отношениях.

А. А. Кроник и Е. А. Кроник в процессе исследования дистанции выделяют следующие факторы, влияющие на категоризацию на межличностном уровне: «близость – удаленность», «симпатия – антипатия», «уважение – неуважение» [25, с. 67].

В трудах А. В. Петровского в контексте психологической теории коллектива был введен количественный показатель, названный им «индекс психологической дистанции для межличностных отношений» [26, с. 102]. Данный показатель отражает степень сближения ценностей и позиций членов

коллектива, отсутствие противостояния и отдаленности друг от друга по важнейшим характеристикам межличностных отношений [27]. Автор отмечает, что наибольшая психологическая дистанция указывает на психологическую отдаленность людей, проявляющуюся в непринятии друг друга и отсутствии желания понять Другого [28].

Переходя к раскрытию содержания социально-психологической дистанции в межэтнических отношениях, отметим, что этничность можно рассматривать только в сравнении с различными этническими группами. Как правило, между этническими группами имеется этнопсихологическая дистанция. И то, каковы ее масштабы, зависит от уровня предубеждений и наличия или отсутствия напряжения в межэтнической коммуникации, т. е., по сути, толерантной либо интолерантной окраски отношений.

Итак, этнические стереотипы и толерантное отношение в совокупности являются факторами выстраивания и изменения социальной дистанции.

МЕТОДЫ

Целью нашего исследования выступило изучение толерантного отношения личности исходя из этнокультурного типа внешнего облика. Предметом исследования является принятие или неприятие человека исходя из внешнего облика этнокультурных групп, и, как следствие, выстраивание социальной дистанции. В качестве объекта исследования выступили 27 человек в возрасте от 25 до 35 лет. Исследование носит пилотажный характер.

Нами были выдвинуты две гипотезы: о том, что люди с толерантным отношением к представителям этнокультурной группы будут выстраивать более низкую социальную дистанцию, а люди с интолерантным отношением к представителям этнокультурной группы будут выстраивать более высокую социальную дистанцию; и о том, что присутствуют значимые связи между степенью толерантного отношения и уровнем социальной дистанции.

В исследовании были использованы две методики: шкала Богардуса – шкала социальной дистанции (вариант В. А. Лабунской) и «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда (модифицированный вариант). С помощью первой методики мы выявляли у респондентов максимально допустимую близость в отношении представителей разных этнических групп, уровень которой варьировался от «крайне низкого», т. е. близкой социальной дистанции, до «крайне высокого», т. е. дальней социальной дистанции.

Вторая же методика была нами модифицирована. Мы выбрали из используемых в разных вариациях шкалы пар прилагательных наиболее подходящие для оценивания представителей разных этнических групп исходя из их внешнего облика. Такими парами оказались следующие: плохой/хороший, неприятный/приятный, враждебный/дружелюбный, отталкивающий/притягивающий,

сильный/слабый, большой/маленький, тяжелый/легкий, грубый/мягкий, активный/пассивный, возбужденный/расслабленный, быстрый/медленный, экспрессивный/сдержанный. С помощью данной методики мы выявляли эмоциональное отношение к представителям разных этнических групп, показатели которого варьировались от «-3» до «+3». По знаку итогового показателя можно было сделать вывод о положительном или отрицательном отношении к ним, т. е. о толерантном или интолерантном отношении, а по числовым данным – о степени выраженности этого отношения.

Для подтверждения одной из гипотез был использован метод параметрической статистики – критерий корреляции Пирсона.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе исследования толерантного отношения, исходящего из этнокультурного типа внешнего облика, были получены следующие результаты. Согласно полученным данным по методике Ч. Осгуда, в большей степени положительное ($x_{cp} = 0,8$) и у большинства респондентов (81,5 %) было выявлено отношение к представителям с азиатским типом внешнего облика. Это означает, что респонденты среди исследуемых нами этнических групп толерантнее относятся к представителям с азиатской внешностью. Прямо противоположная ситуация складывается по отношению к представителям с кавказским внешним обликом. Большинство респондентов (85,2 %) проявляют в большей степени отрицательное отношение ($x_{cp} = -1$) к представителям кавказского типа внешнего облика. Значит, они более интолерантны именно к представителям данной этнической группы.

Относительно представителей других этнических групп большинство респондентов (81,5 %) также проявляют положительное отношение ($x_{cp} = 0,74$) к представителям славянского типа внешнего облика, т. е. они тоже к ним толерантны. По отношению к представителям арабского и африканского типов внешнего облика респонденты разделились во мнениях. У большей части респондентов (48,1 %) было выявлено интолерантное отношение к представителям арабского типа внешнего облика, однако у другой части респондентов (33,4 %) наблюдается толерантное отношение, а третья часть респондентов (18,5 %) осталась нейтральной по отношению к данным представителям. К представителям же африканского типа внешнего облика большая часть респондентов (44,5 %) проявляют толерантное отношение, чуть меньшая часть (33,3 %) проявляет интолерантное отношение, и еще меньшая часть респондентов (22,2 %) осталась нейтральна.

Относительно представителей каждого этнического типа внешнего облика был выявлен наиболее приемлемый уровень социальной дистанции для большинства респондентов. Так, по отношению к представителям славянского

типа внешнего облика наиболее приемлем для респондентов (77,8 %) крайне низкий уровень социальной дистанции, что говорит о полном доверии и стремлении слиться с данной группой. Пониженный уровень у респондентов (40,7 %) приемлем к представителям азиатской внешности. Респонденты предпочитают средний (37 %) и высокий (37 %) уровни социальной дистанции по отношению к представителям африканского типа внешнего облика. А по отношению к представителям кавказского и арабского типов внешнего облика для респондентов (40,7 % в обоих случаях) наиболее допустимым является высокий уровень социальной дистанции. Это свидетельствует о нежелании взаимодействовать, о стремлении обособиться от людей данной культуры, о недоверии и, возможно, о наличии противоречий с указанной категорией людей.

С помощью коэффициента корреляции Пирсона была предпринята попытка доказать наличие взаимосвязи толерантного отношения к разным этнокультурным группам с выстраиваемой по отношению к ним социальной дистанцией.

В результате корреляционного анализа было выявлено, что присутствующие связи очень слабые и незначимые. Иначе говоря, значимые связи отсутствуют, что говорит об отсутствии взаимосвязей между степенью толерантного отношения и уровнем социальной дистанции. У данного явления может быть много объяснений, однако мы предполагаем, что отсутствие предполагаемых нами взаимосвязей связано с тем, что люди, позитивно оценивая представителя этнической группы, абстрагируются от предположения о последующем установлении определенных отношений. Это значит, что люди не до конца честны с собой в проявлении толерантного или интолерантного отношения. То есть, описывая образ представителя этнической группы более положительно, чем это есть на самом деле, человек раскрывает свое реальное отношение к данному представителю, выстраивая определенную социальную дистанцию.

Исходя из всего вышесказанного, следует, что гипотеза о том, что присутствуют значимые связи между степенью толерантного отношения и уровнем социальной дистанции, не подтвердилась.

Однако стоит заметить, что тенденции в проявлении толерантного отношения у респондентов к конкретной этнической группе совпадают с тенденциями к наиболее приемлемой социальной дистанции, выстраиваемой по отношению к ним. Так, к представителям славянского типа внешнего облика у респондентов проявляется толерантное отношение, и выстраивается крайне низкая социальная дистанция; к представителям азиатского типа внешнего облика проявляется толерантное отношение, и выстраивается пониженный уровень социальной дистанции. К представителям кавказского и арабского типов внешнего облика – интолерантное отношение и высокий

уровень социальной дистанции. А к представителям африканского типа внешнего облика у респондентов разделилось мнение, как в отношении, так и в уровне социальной дистанции: к ним проявляется как толерантное, так и интолерантное отношение, и выстраиваются средний и высокий уровни социальной дистанции соответственно.

Таким образом, гипотеза о том, что люди с толерантным отношением к представителям этнокультурной группы будут выстраивать более низкую социальную дистанцию, а люди с интолерантным отношением к представителям этнокультурной группы будут выстраивать более высокую социальную дистанцию, подтвердилась.

Рекомендации

Ввиду полученных результатов, стоит обратить внимание на проблему повышения уровня толерантного отношения к представителям этнокультурных групп. Нами были выделены несколько основных рекомендаций:

1. Для снижения интенсивности проявления негативного отношения к представителям этнических типов по внешнему облику и минимизации силы противостояния представителей различных этнических групп необходима работа по включению представителей разных национальностей в совместную деятельность.
2. Для снижения уровня этнической интолерантности необходимо формирование действий личности, направленных на выработку навыков межкультурного диалога в рамках социально-психологических тренингов межкультурного взаимодействия.
3. Организовывать различные выставки/мероприятия, посвященные культуре и быту людей различных национальностей (например: подготовить книжный цикл выставок, посвященных роли и месту различных национальностей в культуре).

Суть данных рекомендаций заключается в том, что чем больше человек знает о других культурах, чем больше оказывается включенным в них, тем более «лояльным», т. е. толерантным, он становится.

Выводы

В результате проведенного нами теоретического анализа научной литературы по проблеме этнической толерантности можно сделать вывод о том, что данная проблематика актуальна для современной России в силу ее многонациональности. Поскольку в настоящий момент времени в социуме наблюдается рост этнической напряженности, обусловленной интолерантным отношением к представителям разных этнокультурных групп, то мы считаем необходимым отслеживать и изучать изменения процесса восприятия людей

друг другом по этнокультурному признаку и выявление уровня толерантного или нетолерантного отношения.

Возвращаясь к понятию толерантности, необходимо отметить, что толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира. Однако на толерантное отношение большое влияние оказывает внешний облик этнических групп, т. к. он формирует определенные стереотипы в восприятии характеристик и качеств личности, которыми обладает конкретный этнос. В свою очередь, этнические стереотипы и толерантное/интолерантное отношение в совокупности являются факторами выстраивания и изменения социальной дистанции.

Так, по результатам проведенного нами исследования было выявлено, что респонденты проявляют толерантное отношение к представителям азиатского и славянского типов внешнего облика, а интолерантное отношение – к представителям кавказского типа внешнего облика. Вместе с тем, респонденты выстраивают крайне низкую социальную дистанцию с представителями славянской внешности, что тоже свидетельствует о толерантном отношении к ним. Высокая социальная дистанция в отношении представителей кавказского и арабского типов внешнего облика свидетельствует о наличии межэтнической напряженности, а также о нежелании человека выстраивать какие-либо отношения с представителями этой этнокультурной общности.

В целом, полученные результаты подтверждают, что высокий показатель этнической толерантности отражает устремление к сокращению социальной дистанции в отношении представителей конкретной этнокультурной группы. В то время как низкий показатель этнической толерантности указывает на наличие предубеждений и этностереотипов, что может быть выражено в интолерантном отношении к человеку.

Все данные и результаты, которые были получены в исследовании, могут быть использованы в практической деятельности психологов, педагогов, конфликтологов и других специалистов, занимающихся регуляцией межэтнического взаимодействия. Вдобавок они могут быть полезны для разработки программ по борьбе с экстремизмом, этнофанатизмом и ксенофобией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Спицына Т. А., Кучеренко В. С. Теоретические основы толерантности // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1553–1555.
2. Декларация принципов терпимости // Декларации. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 23.07.2019).
3. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности. Научно-публицистический вестник.

2001. № 1–2. С. 8–19. URL: <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-o-smyslah.php?PrPage=VT> (дата обращения: 12.09.2019).
4. Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. 172 с.
 5. *Клепцова Е. Ю.* Психология и педагогика толерантности: учеб. пособие для слушателей системы доп. проф. пед. образования. М.: Академ. проект, 2004. 173 с.
 6. *Валитова Р. Р.* Толерантность: порок или добродетель? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1996. № 1. С. 33–37.
 7. *Степанов П. В.* Воспитание толерантности у школьников – подростков // Учитель. 2005. № 6. С. 49–52.
 8. *Бардиер Г. Л.* Социальная психология толерантности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 118 с.
 9. *Куприенко Т. П.* Проблема изучения феномена толерантности в отечественных и зарубежных психолого-педагогических исследованиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 203–206.
 10. *Артемьева В. А., Данилова М. В.* Анализ понятия «толерантность» в современной научной литературе // Молодой ученый. 2015. № 2. С. 471–473.
 11. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999.
 12. *Гусейнова Э. М.* Основные подходы к изучению понятия толерантности в отечественной и зарубежной науке // Молодой ученый. 2014. № 21. С. 626–629.
 13. *Артемьева В. А., Данилова М. В.* Направления формирования этнической толерантности у подростков в общеобразовательной школе // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 681–683.
 14. *Карманова Ж. А., Манашова Г. Н., Тасмагамбетова А. Б., Джабаева Г. Н.* Формирование этнокультурной толерантности учащихся в условиях воспитательного процесса педагогического колледжа // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1–3. С. 412–415.
 15. *Гриневецкая Т. Н.* Анализ современных теоретико-методологических подходов к исследованию проблемы этнокультурного образования педагогов // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 5. С. 98–104.
 16. *Зимина Н. С.* Социально-философский анализ этнокультурного многообразия // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 13–19. DOI: [10.21209/1996-7853-2019-14-2-13-19](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-2-13-19)
 17. *Белугина Е. В.* Внешний облик как культурно-исторический феномен // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5, № 3. С. 58–65. DOI: [10.21702/rpj.2008.3.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2008.3.5)

18. Почебут Л. Г., Безносков Д. С. Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран мира: взгляд из России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 1. С. 66–84. DOI: [10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84)
19. Ганаева Е. Э. Психолого-педагогическое понимание сущности толерантности // Педагогика высшей школы. 2016. № 1. С. 25–27.
20. Кара Ж. Ю., Бруева А. Ф., Зюзко Д. М., Слепов В. А., Маркелова А. С. К проблеме толерантности в контексте психологических исследований // Северо-Кавказский психологический вестник. 2017. № 15/2. С. 12–21.
21. Labunskaya V., Bzezyan A. Evaluation of components of facial appearance of representatives ethno-cultural groups as a manifestation of the discriminatory attitude // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2014. 2014. Vol. 1. P. 159–166. DOI: [10.5593/SGEMSOCIAL2014/B11/S1.022](https://doi.org/10.5593/SGEMSOCIAL2014/B11/S1.022)
22. Поздняков А. Н., Лебедева И. В. О «чужом» и «другом» в современном обществе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2. С. 293–299.
23. Карпушина Л. П. К проблеме становления принципа этнокультурности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 11. С. 274–277.
24. Камзина О. А., Мышкина М. С. Содержательные особенности толерантности у студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 124–129. DOI: [10.21603/2078-8975-2017-1-124-129](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-1-124-129)
25. Кроник А. А., Кроник Е. А. В главных ролях: вы, мы, он, ты, я: Психология значимых отношений. М.: Мысль, 1989. 204 с.
26. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. М.: Педагогика, 1984. 271 с.
27. Старченко В. В. Этнические стереотипы в межэтническом взаимодействии в поликультурном регионе // Наука и современность. 2016. № 49. С. 43–50.
28. Енгальчев В. Ф., Клочко О. С., Шуванов И. Б. Психологическая дистанция как мера психологической безопасности в межличностных отношениях // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 4–2. С. 24–28.

REFERENCES

1. Spitsyna T. A., Kucherenko V. S. Theoretical foundations of tolerance. *Molodoi uchenyi – A Young Scientist*, 2016, no. 11, pp. 1553–1555. (in Russ.).
2. Declaration of principles of tolerance. *Declarations*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (Accessed 23 July 2019).

3. Asmolov A. G., Soldatova G. U., Shaigerova L. A. Towards the meanings of the concept of tolerance. *Century of Tolerance. Scientific and Publicistic Bulletin*, 2001, no. 1–2, pp. 8–19. Available at: <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-o-smyslah.php?PrPage=VT> (Accessed 12 September 2019).
4. Soldatova G. U., Shaigerova L. A. (eds.). *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnosics of Tolerance]. Moscow, Smysl Publ., 2008. 172 p.
5. Kleptsova E. Yu. *Psikhologiya i pedagogika tolerantnosti: ucheb. posobie dlya slushatelei sistemy dop. prof. ped. obrazovaniya* [Psychology and pedagogy of tolerance: A textbook for students of the system of additional professional education]. Moscow, Akadem. proekt Publ., 2004. 173 p.
6. Valitova R. R. Tolerance: Vice or virtue? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya – Bulletin of Moscow State University. Series 7 (Philosophy)*, 1996, no. 1, pp. 33–37. (in Russ.).
7. Stepanov P. V. Teaching tolerance among adolescent schoolchildren. *Uchitel' – A Teacher*, 2005, no. 6, pp. 49–52. (in Russ.).
8. Bardier G. L. *Sotsial'naya psikhologiya tolerantnosti* [Social psychology of tolerance]. Saint Petersburg, SPSU Publ., 2005. 118 p.
9. Kuprienko T. P. The phenomenon of tolerance in Russian and global psychological and pedagogical research. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, Socio-economic and Social Sciences*, 2014, no. 8, pp. 203–206. (in Russ.).
10. Artem'eva V. A., Danilova M. V. The concept of 'tolerance' in modern scientific literature. *Molodoi uchenyi – A Young Scientist*, 2015, no. 2, pp. 471–473. (in Russ.).
11. Lebedeva N. M. *Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu* [Introduction to ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow, Klyuch-S Publ., 1999.
12. Guseinova E. M. Basic approaches to studying the concept of tolerance in Russian and global science. *Molodoi uchenyi – A Young Scientist*, 2014, no. 21, pp. 626–629. (in Russ.).
13. Artem'eva V. A., Danilova M. V. Directions of formation of ethnic tolerance in adolescents in secondary schools. *Molodoi uchenyi – A Young Scientist*, 2016, no. 1, pp. 681–683. (in Russ.).
14. Karmanova Zh. A., Manashova G. N., Tasmagambetova A. B., Dzhabaeva G. N. Development of ethno-cultural tolerance of students during the educational process in pedagogical colleges. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy – International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2016, no. 1–3, pp. 412–415. (in Russ.).
15. Grinevetskaya T. N. Analysis of modern theoretical and methodological approaches to the issues of ethno-cultural education of teachers. *Sibirskii*

- pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, 2017, no. 5, pp. 98–104. (in Russ.).
16. Zimina N. S. Socio-philosophical analysis of ethnocultural diversity. *Gumanitarnyi vektor – Humanitarian Vector*, 2019, V. 14, no. 2, pp. 13–19. (in Russ.). DOI: [10.21209/1996-7853-2019-14-2-13-19](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-2-13-19)
17. Belugina E. V. External appearance as a cultural and historical phenomenon. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2008, V. 5, no. 3, pp. 58–65. (in Russ.). DOI: [10.21702/rpj.2008.3.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2008.3.5)
18. Pochebut L. G., Beznosov D. S. Perception psychology on social distance to different countries: a Russian view. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International relations*, 2018, V. 18, no. 1, pp. 66–84. (in Russ.). DOI: [10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84)
19. Ganaeva E. E. Psychological and pedagogical understanding of the essence of tolerance. *Pedagogika vysshei shkoly – Pedagogy of Higher Education*, 2016, no. 1, pp. 25–27. (in Russ.).
20. Kara Zh. Yu., Brueva A. F., Zyuzko D. M., Slepov V. A., Markelova A. S. Towards the issue of tolerance in the context of psychological research. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2017, no. 15/2, pp. 12–21. (in Russ.).
21. Labunskaya V., Bzezyan A. Evaluation of components of facial appearance of representatives ethno-cultural groups as a manifestation of the discriminatory attitude. *International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2014*, 2014, V. 1, pp. 159–166. DOI: [10.5593/SGEMSOCIAL2014/B11/S1.022](https://doi.org/10.5593/SGEMSOCIAL2014/B11/S1.022)
22. Pozdnyakov A. N., Lebedeva I. V. The concepts of the 'alien' and 'another' in modern society. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 2014, no. 2, pp. 293–299. (in Russ.).
23. Karpushina L. P. Towards the problem of formation of the principle of ethnoculturality. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Bulletin of Tambov University: The Humanities*, 2009, no. 11, pp. 274–277. (in Russ.).
24. Kamzina O. A., Myshkina M. S. Content features of tolerance in students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2017, no. 1, pp. 124–129. (in Russ.). DOI: [10.21603/2078-8975-2017-1-124-129](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-1-124-129)
25. Kronik A. A., Kronik E. A. *V glavnykh rolyakh: vy, my, on, ty, ya: Psikhologiya znachimykh otnoshenii* [Starring: you, we, he, you, I: Psychology of meaningful relationships]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 204 p.
26. Petrovskii A. V. *Voprosy istorii i teorii psikhologii: Izbrannye trudy* [Approaches to the history and theory of psychology: Selected works]. Moscow, Pedagogika Publ., 1984. 271 p.

27. Starchenko V. V. Ethnic stereotypes in interethnic interaction in a multicultural region. *Nauka i sovremennost' – Science and Modernity*, 2016, no. 49, pp. 43–50. (in Russ.).
28. Engalychev V. F., Klochko O. S., Shuvanov I. B. Psychological distance as a measure of psychological security in interpersonal relationships. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Sochi State University*, 2013, no. 4–2, pp. 24–28. (in Russ.).

Влияние культурных и национальных факторов на выбор партнера и брачные отношения

Елена Б. Сетянова

Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: elena.setyanova@yandex.ru

Проблематика полового отбора детально изучается различными областями знания: биологией, социологией, психологией, культурологией. Наиболее привлекательными являются те черты, которые способствуют выживанию. Исходя из этого, ожидается, что предпочтения в выборе супруга будут варьироваться в зависимости от культуры, местности и социальной среды.

Хотя принято считать, что личные предпочтения являются ключевым компонентом в процессе выбора партнера, в статье рассматриваются потенциальные факторы, влияющие на различия в предпочтениях, которые включают факторы жизненного пути, различия по полу, этносу, классу, культуре и конкретные личностные качества.

Приведены теории выбора партнера. По мере изменения роли брака в современном обществе меняются и цели выбора супругов. Представлен сравнительный анализ брака в современных и традиционных культурах.

Ключевые слова

выбор партнера, культура, предпочтения партнера, семья, брак, межэтнические пары, любовь, теории выбора партнера, супруги, ролевые ожидания

Для цитирования: Сетянова Е. Б. Влияние культурных и национальных факторов на выбор партнера и брачные отношения // Северо-Кавказский психологический вестник. 2020. № 18/1. С. 37–47.

Influence of cultural and national factors on the choice of a partner and marriage

Elena B. Setyanova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: elena.setyanova@yandex.ru

The problem of sexual selection is studied in various fields of knowledge: biology, sociology, psychology, and cultural studies. The most attractive are those traits that

contribute to survival. Based on this fact, it is expected that spouse preferences will vary according to culture, locality and social environment.

Although it is generally accepted that personal preference is a key component in the process of choosing a mate, the article examines the potential factors influencing differences in preference, which include factors of life path, gender, ethnicity, class, culture and specific personality traits.

The theories of partner choice are presented. As the role of marriage changes in modern society so the goals of choosing a spouse do. The comparative analysis of marriage in modern and traditional cultures is presented in the article.

Keywords

partner choice, culture, partner preferences, family, marriage, interethnic couples, love, partner choice theories, spouses, role expectations

For citation: Setyanova E. B. Influence of cultural and national factors on the choice of a partner and marriage. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2020, no. 18/1, pp. 37–47. (in Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Психология и социология давно занимаются вопросом изучения факторов, влияющих на выбор брачного партнера. С одной стороны, семья рассматривается как социальный институт, и основное внимание уделяется обычаям и традициям, которые регулируют выбор партнера. С другой стороны, семья рассматривается как система взаимоотношений между ее членами, т. е. конкретными людьми со своими определенными психологическими характеристиками [1].

Принцип, лежащий в основе социокультурного подхода, гласит о том, что человек является биосоциокультурным существом. Если обратиться к биологической точке зрения, то это поможет нам понять, как выбор партнера происходит в животном мире, к которому принадлежит в том числе и человек. Эволюционная теория утверждает, что поведенческие тенденции, физические характеристики и особенности личности, которые способствуют нашим шансам на выживание и размножение, становятся для нас наиболее желательными [2].

Аналогичным образом эволюционный подход предсказывает, что биологические и анатомические различия между мужчинами и женщинами приведут к различным предпочтениям при выборе партнера. Например, человеческая биология требует, чтобы женщины нуждались в помощи и защите во время беременности, и что их фертильность ограничена во времени. Поэтому имеет смысл, что мужчины, которые могут обеспечить защиту, будут считаться более привлекательными для женщин, а молодые и, следовательно, фертильные женщины будут более привлекательны для мужчин. Действительно,

исследования показывают, что когда речь идет о долгосрочных отношениях, женщины в целом подчеркивают важность параметров статуса, в то время как мужчины считают женскую молодость особенно привлекательной [3].

При этом теория социальных ролей, разработанная Э. Игли в 1987 г., утверждает, что именно социальные, а не биологические процессы являются главными при выборе партнера. Согласно данному аргументу, правила выбора партнера продиктованы ролями, которые женщины и мужчины занимают в обществе. Таким образом, ожидается, что предпочтения людей в поиске партнера изменяются по мере изменения социальных ролей и норм. Например, женщин привлекают мужчины, обладающие властью и деньгами, но если данная ситуация изменится на противоположную, в которой женщинам достанутся власть и деньги, тогда статус и богатство мужчины будут иметь гораздо меньшее значение для женщин, а мужская красота, молодость и выносливость станут намного важнее [4].

Ряд исследователей предположили различные теории, объясняющие факторы, влияющие на выбор партнера. Перечислим некоторые из них.

К. Мелвилл сравнивал процесс выбора супруга с торговой сделкой, когда «валютой» в обмене являются социальные ценности двух людей, такие как социальное происхождение, экономический статус, образование и некоторые качества (внешность, возраст). Согласно теории комплементарных потребностей Р. Уинча, люди притягивают и ищут партнера с противоположными чертами и характеристиками. Теория «стимул – ценность – роль» Б. Мерстейна гласит, что при выборе партнера мы стараемся найти человека, который способен принести наибольшую пользу для нас. По теории фильтров А. Керкгоффа, процесс выбора партнера осуществляется с помощью фильтров, устраняющих партнеров с наименьшим потенциалом для дальнейшего поиска более успешного партнера [5].

Последние данные свидетельствуют о том, что число межрасовых браков среди афроамериканцев увеличилось с 2,6 % до 22,1 % в 2003 г. Аналогичным образом возросли показатели межконфессиональных браков. Например, только 6 % евреев решали жениться на нееврейских партнерах в 1960-х гг. В 2003 г. 40 % евреев вступали в брак с людьми других национальностей и конфессий. На вероятность вступления в брак через социальные, этнические и религиозные границы влияет то, насколько однородным является население. В крупных городах, где вероятность встретить партнера из другой этнической группы выше, соответственно выше показатели смешанных браков, в то время как в небольших селах, где наблюдается однородное население, данные браки встречаются значительно реже [6].

Еще одним немаловажным фактором является территориальная близость. Ранние работы Дж. Боссарда (1932 г.) показывают, что на момент подачи

заявления в ЗАГС около 35 % всех пар жили в двух кварталах друг от друга. Конечно, сегодня ситуация значительно изменилась, и мир стал намного мобильнее в сравнении с 30-ми гг. прошлого века, но всё же главным эффектом близости является то, что у людей схожего происхождения выше шансы вступить в брак, поскольку гомогамия по-прежнему остается доминирующей чертой общества [7].

С ростом глобализации и международной торговли неизбежно, что разные культуры будут встречаться, конфликтовать и смешиваться друг с другом. Людям из других культур трудно общаться не только из-за языкового барьера, но и из-за влияния собственной культуры. Например, в индивидуалистических культурах, таких как США, Канада, Австралия и Западная Европа, доминирует независимость от коллектива. А в коллективистских, обычно это страны Азии, Латинской Америки, Африки и Южной Европы, доминирует зависимость от коллектива.

Рассмотрим, что представляет собой брак в традиционных культурах. Ранее в традиционных обществах было принято вступать в брак в очень молодом возрасте, сегодня возраст вступления в официальные супружеские отношения вырос и составляет примерно 22–25 лет. Любовь не являлась приоритетной целью брака, главным было рождение детей и получение определенного социального статуса. Выбор супруга контролировался родственниками, основой брака являлось согласие между двумя семьями. Зачастую встреча будущих супругов происходила прямо во время брачной церемонии. Стоит также обратить внимание на обычаи и традиции добрачного поведения. Девушкам категорически запрещалось иметь половые связи до вступления в брак, иначе это жестоко каралось. За невесту полагался внушительный выкуп. Одним из главнейших аспектов традиционного брака является постоянство, поэтому партнер подбирался один раз и на всю жизнь. В этих условиях развод был практически невозможен. В традиционных культурах преимущество всегда отдавалось мужчинам: им было дозволено больше, женщины и дети выполняли роль услуги. Женщина рассматривалась как слабый, зависимый и несамостоятельный член семьи. Традиционный брак базируется и опирается на религиозные догматы. В авраамических религиях (иудаизм, ислам, христианство) четко прописано, как устроена семья и как необходимо вести себя каждому члену этой семьи [8].

В современном обществе принято вступать в брак уже в зрелом возрасте и самостоятельно подбирать себе пару. Сегодня существует множество форм современного брака, таких как незарегистрированное сожительство, гостевой брак, гомосексуальный брак, открытый брак, неполная семья, прерывающийся брак и многие другие. Любовь и схожесть взглядов в современном браке являются приоритетными, именно благодаря этому создаются семьи. Прежде

чем вступить в брак, принято встречаться и сожительствовать некоторое время, для того чтобы лучше узнать партнера. На современных молодых людей незначительное влияние имеют взгляды родственников, общественное давление и религия. Основой брака является равноправие, а главной идеей – то, что каждый член семьи имеет весомое значение, к его мнению прислушиваются. Обязанности разделены поровну. Мужчины ведут хозяйство и ухаживают за детьми наравне с женщинами. Развод у современных пар больше не является чем-то постыдным [9].

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

На территории Российской Федерации проживает более 190 народов. Уже много лет ученые изучают вопрос межэтнических браков в современной России. Исследованием межэтнических браков как аспекта российской действительности занимались: С. В. Лурье, И. А. Макарова, Г. Р. Столярова, А. А. Минасян, А. Г. Здравомыслов, Л. Г. Почебут, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева. Из зарубежных исследователей, освещавших вопрос психологических проблем межэтнических браков, выделяются: Р. Райт, Р. Хаберштейн, Р. Льюис, К. Булкрофт, Т. Блум, Дж. Шварц, Д. Такаги, П. Липпа, Дж. Арнетт, Б. Кроуфорд [10].

В разных странах существуют определенные культурные нормы, и эти нормы напрямую влияют на то, как люди будут строить свои отношения. Чтобы выяснить, как культура способна влиять на отношения в парах, Х. Уильямсон из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса в 2012 г. провела исследование, в котором изучила 50 молодоженов из США и 50 молодоженов из Китая. Изначально предполагалось, что китайская и американская культуры весьма различны, и поэтому пары из этих стран будут иметь разные стили общения и способы решения проблем. Принимая во внимание, что американские пары принадлежат индивидуалистическому обществу и менее ориентированы на социальные ожидания, то, скорее всего, именно они должны были оказаться более удовлетворенными в браке. Это предположение оказалось неверным. Вместо этого все пары из Америки и Китая показали одинаковый уровень удовлетворенности браком. Однако результаты показали, что китайские жены склонны более негативно относиться к своим мужьям, чем американские жены. Но, что самое интересное, это не повлияло на удовлетворенность браком со стороны китайских мужчин. Х. Уильямсон предполагает, что это может быть связано с коллективным характером китайской культуры, которая не позволяет напрямую выражать свои чувства и эмоции даже партнеру и членам семьи. Такой запрет на открытое выражение эмоций может препятствовать нормальной коммуникации и заставлять партнеров затаивать обиды, а в дальнейшем негативно сказаться на самих отношениях. Американские пары, напротив, продемонстрировали более

выразительное и открытое поведение, которое поощряется в американской культуре. Х. Уильямсон считает, что результаты исследования могут помочь лучше понять факторы, препятствующие общению в парах. Таким образом, культура, в которой возникают отношения, может быть важным фактором, определяющим, как люди ведут себя по отношению к своему супругу, и какое значение они придают такому поведению [11].

Каждая культура влияет на привычки и предпочтения. В межэтнических отношениях личные привычки могут также вызывать проблемы, как и в тех случаях, когда они приемлемы в одной стране, но совершенно недопустимы в другой. Многие межэтнические пары принимают культурные особенности за недостатки личности. Способность различать культурную норму и личные привычки очень важна для предотвращения конфликтов в таких парах [12].

Говоря о выборе брачного партнера, невозможно не упомянуть такую тенденцию, как межэтнические браки и проблемы, с которыми сталкиваются такие пары.

В прошлом экзогамные браки (супруги принадлежат к разным расам или национальностям) были запрещены во многих странах мира. Например, в США, нацистской Германии и ЮАР. Подобные браки расценивались как «преступление по происхождению» и карались тюремным сроком. Несмотря на то, что в 1967 г. судом Уоррена в США был отменен закон о недопущении смешения рас, социальное клеймо, связанное с межрасовыми браками, всё еще существует и в современном обществе [13].

К сожалению, межэтнические пары по-прежнему испытывают трудности из-за расизма, шовинизма и ксенофобии, что является дополнительной угрозой существования брака. Кросс-культурные проблемы, с которыми сталкиваются пары, включают потерю идентичности, языковой барьер, конфликты на почве различных убеждений, стиля воспитания детей, неприятие со стороны родственников, различные установки в отношении семьи [14].

Если говорить о психотерапии подобных пар, то необходимо учитывать, что психотерапевт может столкнуться с целым рядом проблем при диагностике и планировании дальнейшей терапии. Культурные отличия играют значительную роль в семейной жизни данных пар. Терапевт должен учитывать ролевые ожидания каждого из супругов и быть готовым менять стратегии и тактики по мере необходимости во время работы. Диагностика должна проходить с учетом культурных и этнических особенностей и исключать чувствительные моменты, касающиеся религии, этноса, расы, мировоззрения, которые могут быть проинтерпретированы как оскорбительные. Также следует уделить отдельное внимание взаимоотношениям внутри семьи. Зачастую именно из внутрисемейного конфликта одного из супругов с родственниками идет основная угроза жизнеспособности семейной пары [15].

В целях диагностики подобных пар используются разнообразные методики для получения дополнительной информации как об отдельных членах семьи, так и семьи в целом. Наиболее распространенными методиками являются: семейная социограмма (Э. Г. Эйдемиллер), семейная генограмма (А. В. Черников), шкала семейной адаптации и сплоченности (Д. Х. Олсон), рисунок семьи, тест-опросник родительских отношений (А. Л. Варга, В. В. Столин), тест-опросник удовлетворенности браком (В. В. Столин, Т. Л. Романова) [16].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Таким образом, анализ научной литературы, посвященный теме выбора брачного партнера и семейным отношениям, позволил определить различные подходы и теории в изучении выбора партнера. Были рассмотрены представления о браке в традиционных и современных обществах, а также кратко рассмотрены проблемы в межэтнических браках, даны рекомендации по работе с данными парами, приведены диагностические методики для семейной психотерапии таких семей.

Еще одной областью исследования, которая может внести вклад в дальнейшее понимание процесса выбора партнера, являются исследования романтической любви. Теории процесса выбора супругов редко рассматривают любовь как основу или даже как стадию в развитии отношений. В то время как существует множество эмпирических и теоретических работ по романтической любви, концептуально исследования любви рассматривались как значительно отличающиеся от исследований по выбору супругов. Вопреки распространенному мнению, соотношение любви и брака не до конца изучено [17].

Процесс выбора партнера привлекал внимание исследователей еще с 70-х гг. прошлого века. Бурное развитие теорий по данной проблематике продолжалось вплоть до конца 70-х гг. Примером являются работы А. Рейсс, Б. Мюрштейна и Р. Льюиса [18].

Все исследования процесса отбора супругов столкнулись с методологическими трудностями. Большинство исследований опиралось на небольшие выборки пар. Многие из исследователей использовали пары студенческого возраста, не состоящие в браке. Эти методологические трудности могут частично объяснить недавнее снижение количества работ, изучающих процесс отбора партнеров. Кроме того, относительно мало известно о процессе выбора партнера после неудачных отношений и развода [19].

Современные исследования начали отходить от предшественников, у которых отношения всегда ведут к законному браку, и вместо этого обращают внимание на «распутывание» траектории развития отношений. Большой акцент ставится на формировании и развитии межличностных отношений,

которые могут проходить через стадии романтики, сожительства, дружбы, брака, развода и т. д. Сегодня ученых больше интересуют долговечность отношений, ролевые ожидания, разрешение конфликтов, психологические особенности партнеров. Многие из теорий также упускают из виду влияние групп сверстников и членов семьи на процесс выбора партнера [20].

По мере изменения семейной системы в обществе меняется и направление исследований по выбору супругов. Вследствие того, что многие пары оттягивают момент вступления в брак, интерес к изучению сожительства становится все более очевидным. Особый интерес представляют барьеры для повторного брака: низкие показатели повторного брака для лиц старше 50 лет отчасти указывают на то, что социальное давление значительно снижается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурова С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии. Минск: Право и экономика, 2010. 444 с.
2. Вестермарк Э. А. Половые вопросы / Пер. и пред. О. Норвежского. 2-е изд. М.: Книжный дом, 2011. 91 с.
3. Andersson M. Sexual selection. New Jersey: Princeton University Press, 1994.
4. Buss D. M., Barnes M. Preferences in human mate selection // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50, Issue 3. P. 559–570. DOI: [10.1037/0022-3514.50.3.559](https://doi.org/10.1037/0022-3514.50.3.559)
5. Buunk A. P., Park J. H., Dubbs S. L. Parent-offspring conflict in mate preferences // Review of General Psychology. 2008. Vol. 12, Issue 1. P. 47–62. DOI: [10.1037/1089-2680.12.1.47](https://doi.org/10.1037/1089-2680.12.1.47)
6. DeBruine L. M., Jones B. C., Crawford J. R., Welling L. L. M., Little A. C. The health of a nation predicts their mate preferences: cross-cultural variation in women's preferences for masculinized male faces // Proceedings of the Royal Society B. Biological Sciences. 2010. Vol. 277. DOI: [10.1098/rspb.2009.2184](https://doi.org/10.1098/rspb.2009.2184)
7. Eastwick P. W., Finkel E. J. Sex differences in mate preferences revisited: Do people know what they initially desire in a romantic partner? // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 94, Issue 2. P. 245–264. DOI: [10.1037/0022-3514.94.2.245](https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.2.245)
8. Jašarević E., Bailey D. H., Crossland J. P., Dawson W. D., Szalai G., Ellersieck M. R., Rosenfeld C. S., Geary D. C. Evolution of monogamy, paternal investment, and female life history in *Peromyscus* // Journal of Comparative Psychology. 2013. Vol. 127, Issue 1. P. 91–102. DOI: [10.1037/a0027936](https://doi.org/10.1037/a0027936)
9. Henrich J., Boyd R., Richerson P. J. The puzzle of monogamous marriage // Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences. 2012. Vol. 367. DOI: [10.1098/rstb.2011.0290](https://doi.org/10.1098/rstb.2011.0290)

10. Тащёва А. И., Гриднева С. В., Стефаненко Т. Г., Тихомандрицкая О. А. Этнически смешанные браки сквозь призму феномена удовлетворенности супружеством // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13, № 3. С. 39–52. DOI: [10.21702/rpj.2016.3.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.3)
11. Williamson H. C., Ju X., Bradbury T. N., Karney B. R., Fang X., Liu X. Communication behavior and relationship satisfaction among American and Chinese newlywed couples // Journal of Family Psychology. 2012. Vol. 26, Issue 3. P. 308–315. DOI: [10.1037/a0027752](https://doi.org/10.1037/a0027752)
12. Rodriguez L. M., Hadden B. W., Knee C. R. Not all ideals are equal: Intrinsic and extrinsic ideals in relationships // Personal Relationships. 2015. Vol. 22, Issue 1. P. 138–152. DOI: [10.1111/pere.12068](https://doi.org/10.1111/pere.12068)
13. Eastwick P. W., Luchies L. B., Finkel E. J., Hunt L. L. The predictive validity of ideal partner preferences: A review and meta-analysis // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140, Issue 3. P. 623–665. DOI: [10.1037/a0032432](https://doi.org/10.1037/a0032432)
14. Buss D. M., Goetz C., Duntley J. D., Asao K., Conroy-Beam D. The mate switching hypothesis // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 104. P. 143–149. DOI: [10.1016/j.paid.2016.07.022](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.07.022)
15. Walsh C. M., Neff L. A. We're better when we blend: The benefits of couple identity fusion // Self and Identity. 2018. Vol. 17, Issue 5: Special issue on Identity Fusion. P. 587–603. DOI: [10.1080/15298868.2018.1430062](https://doi.org/10.1080/15298868.2018.1430062)
16. Николаева Д. С., Федорова Н. А. Психологические проблемы межэтнических браков в представлениях молодежи // Психология, образование, социальная работа: актуальные и приоритетные проблемы направления исследования. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. С. 210–220.
17. Rivera G. N., Smith C. M., Schlegel R. J. A window to the true self: The importance of I-sharing in romantic relationships // Journal of Social and Personal Relationships. 2019. Vol. 36, Issue 6. P. 1640–1650. DOI: [10.1177/0265407518769435](https://doi.org/10.1177/0265407518769435)
18. The Oxford Handbook of Evolution, Biology and Society / R. L. Hopcroft (Ed.). Oxford, UK: Oxford University Press, 2018.
19. Schmitt D. P. Fundamentals of human mating strategies // The Handbook of Evolutionary Psychology / D. M. Buss (Ed.). 2nd ed. New York, NY, USA: Wiley, 2015. DOI: [10.1002/9781119125563.evpsych111](https://doi.org/10.1002/9781119125563.evpsych111)
20. Flegr J., Blum A. E., Nekola O., Kroupa Š. What people prefer and what they think they prefer in short- and long-term partners. The effects of the phase of the menstrual cycle, hormonal contraception, pregnancy, and the marital and the parenthood status on partner preferences // Evolution and Human Behavior. 2019. Vol. 40, Issue 1. P. 112–125. DOI: [10.1016/j.evolhumbehav.2018.09.003](https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2018.09.003)

REFERENCES

1. Burova S. N. *Sotsiologiya braka i sem'i: istoriya, teoreticheskie osnovy, personalii* [Sociology of marriage and family: History, theoretical foundations, and personalia]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ. 444 p.
2. Westermark E. A. *Gender issues*. Moscow, Knizhnyi dom Publ., 2011. 91 p. (in Russ.).
3. Andersson M. *Sexual selection*. New Jersey, Princeton University Press, 1994.
4. Buss D. M., Barnes M. Preferences in human mate selection. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, V. 50, Issue 3, pp. 559–570. DOI: [10.1037/0022-3514.50.3.559](https://doi.org/10.1037/0022-3514.50.3.559)
5. Buunk A. P., Park J. H., Dubbs S. L. Parent-offspring conflict in mate preferences. *Review of General Psychology*, 2008, V. 12, Issue 1, pp. 47–62. DOI: [10.1037/1089-2680.12.1.47](https://doi.org/10.1037/1089-2680.12.1.47)
6. DeBruine L. M., Jones B. C., Crawford J. R., Welling L. L. M., Little A. C. The health of a nation predicts their mate preferences: cross-cultural variation in women's preferences for masculinized male faces. *Proceedings of the Royal Society B. Biological Sciences*, 2010, V. 277. DOI: [10.1098/rspb.2009.2184](https://doi.org/10.1098/rspb.2009.2184)
7. Eastwick P. W., Finkel E. J. Sex differences in mate preferences revisited: Do people know what they initially desire in a romantic partner? *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, V. 94, Issue 2, pp. 245–264. DOI: [10.1037/0022-3514.94.2.245](https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.2.245)
8. Jasarevic E., Bailey D. H., Crossland J. P., Dawson W. D., Szalai G., Ellersieck M. R., Rosenfeld C. S., Geary D. C. Evolution of monogamy, paternal investment, and female life history in *Peromyscus*. *Journal of Comparative Psychology*, 2013, V. 127, Issue 1, pp. 91–102. DOI: [10.1037/a0027936](https://doi.org/10.1037/a0027936)
9. Henrich J., Boyd R., Richerson P. J. The puzzle of monogamous marriage. *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences*, 2012, V. 367. DOI: [10.1098/rstb.2011.0290](https://doi.org/10.1098/rstb.2011.0290)
10. Tashcheva A. I., Gridneva S. V., Stefanenko T. G., Tikhomandritskaya O. A. Interethnic marriages through the prism of the phenomenon of satisfaction with marriage. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 3, pp. 39–52. (in Russ.). DOI: [10.21702/rpj.2016.3.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.3)
11. Williamson H. C., Ju X., Bradbury T. N., Karney B. R., Fang X., Liu X. Communication behavior and relationship satisfaction among American and Chinese newlywed couples. *Journal of Family Psychology*, 2012, V. 26, Issue 3, pp. 308–315. DOI: [10.1037/a0027752](https://doi.org/10.1037/a0027752)
12. Rodriguez L. M., Hadden B. W., Knee C. R. Not all ideals are equal: Intrinsic and extrinsic ideals in relationships. *Personal Relationships*, 2015, V. 22, Issue 1, pp. 138–152. DOI: [10.1111/per.12068](https://doi.org/10.1111/per.12068)
13. Eastwick P. W., Luchies L. B., Finkel E. J., Hunt L. L. The predictive validity of ideal partner preferences: A review and meta-analysis. *Psychological Bulletin*,

- 2014, V. 140, Issue 3, pp. 623–665. DOI: [10.1037/a0032432](https://doi.org/10.1037/a0032432)
14. Buss D. M., Goetz C., Duntley J. D., Asao K., Conroy-Beam D. The mate switching hypothesis. *Personality and Individual Differences*, 2017, V. 104, pp. 143–149. DOI: [10.1016/j.paid.2016.07.022](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.07.022)
 15. Walsh C. M., Neff L. A. We're better when we blend: The benefits of couple identity fusion. *Self and Identity*, 2018, V. 17, Issue 5: Special issue on Identity Fusion, pp. 587–603. DOI: [10.1080/15298868.2018.1430062](https://doi.org/10.1080/15298868.2018.1430062)
 16. Nikolaeva D. S., Fedorova N. A. Psychological issues of interethnic marriages in representations of youth. *Psikhologiya, obrazovanie, sotsial'naya rabota: aktual'nye i prioritetye problemy napravleniya issledovaniya – Psychology, Education, and Social Work: Current and Priority Issues of Research*. Tver: Tver State University Publ., 2013, pp. 210–220. (in Russ.).
 17. Rivera G. N., Smith C. M., Schlegel R. J. A window to the true self: The importance of I-sharing in romantic relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2019, V. 36, Issue 6, pp. 1640–1650. DOI: [10.1177/0265407518769435](https://doi.org/10.1177/0265407518769435)
 18. Hopcroft R. L. (ed.). *The Oxford Handbook of Evolution, Biology and Society*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2018.
 19. Schmitt D. P., Buss D. M. (ed.). *Fundamentals of human mating strategies. The handbook of evolutionary psychology*. New York, NY, USA: Wiley, 2015. DOI: [10.1002/9781119125563.evpsych111](https://doi.org/10.1002/9781119125563.evpsych111)
 20. Flegr J., Blum A. E., Nekola O., Kroupa S. What people prefer and what they think they prefer in short- and long-term partners. The effects of the phase of the menstrual cycle, hormonal contraception, pregnancy, and the marital and the parenthood status on partner preferences. *Evolution and Human Behavior*, 2019, V. 40, Issue 1, pp. 112–125. DOI: [10.1016/j.evolhumbehav.2018.09.003](https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2018.09.003)

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в электронном варианте в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать шрифт Times New Roman.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]).

К статье прилагаются аннотация (объемом 200–250 слов) и ключевые слова (10 слов и/или словосочетаний, состоящих не более чем из 2-х слов), а также сведения об авторе:

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail).

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140, к. 114, редакция
e-mail: editor@rj.ru.com

NORTH-CAUCASIAN PSYCHOLOGICAL BULLETIN

REQUIREMENTS TO PUBLICATIONS

Articles are accepted in electronic form in Word format, typed with 14 size through the 1.5 computer interval (all margins 2.0 cm), with capacity from 10 to 20 pages, including the list of references. Use the font "Times New Roman".

Literature cited in the article (author, title, place, publisher and year of publication) is given in alphabetical order in a list at the end. Literature in foreign languages is given after domestic. In the text reference to the source is done by indicating (in brackets) the serial number of the cited book or article, after the comma – cited pages (eg, [42, P. 561]).

Abstract (200–250 words) and keywords (10 items of words and/or phrases, consisting of no more than 2 words), as well as information about the author, are attached to the article:

- 1) surname, name and patronymic;
- 2) home post address, telephone number;
- 3) specialty, academic rank;
- 4) the place of work and position, official telephone;
- 5) e-mail.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR, TITLE, ABSTRACT AND KEYWORDS SHOULD BE GIVEN ALSO IN ENGLISH.

For all issues about publications, contact:
Editorial Office (of. 114), b. 140, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don,
344006
e-mail: editor@rpj.ru.com